

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50

Евразийский экономический союз – время для модернизации

Борис Аронович ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, Ленинградский
проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация;
главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, 117218,
Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X

ЦИТИРОВАНИЕ: Хейфец Б.А. (2019) Евразийский экономический союз – время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 2. С. 29–50. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50

Статья поступила в редакцию 31.03.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется пятилетний период реализации Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и выделяются основные проблемы его развития на современном этапе. Среди них внешнее давление на ЕАЭС со стороны крупных экономических агентов (Китай) и региональных экономических партнерств (Евросоюз), что ведет к размыванию евразийских интеграционных процессов. Негативное влияние на взаимодействие партнеров по ЕАЭС оказывает усиление западных санкций против России. Внутренними дезинтеграционными факторами являются низкая доля взаимной торговли и инвестиций, отсутствию ощутимого прогресса в формировании общих секторальных рынков, опережающий рост новых нетарифных барьеров и исключений из общих пра-

вил торговли, рост числа торговых и валютных конфликтов. Серьезной проблемой является ослабление потенциала России как драйвера экономической интеграции в ЕАЭС. В первую очередь это касается уровня инновационности экономики, являющегося важнейшим притягательным фактором в условиях четвертой промышленной революции. Усиливается налоговая и инвестиционная конкуренция юрисдикций внутри ЕАЭС, что ведет к миграции российского бизнеса в Казахстан и Белоруссию. В данной связи в статье ставится вопрос о существенной корректировке модели интеграции в ЕАЭС. Предлагаются новые инициативы и активные действия, которые должны дать ощутимый эффект от существования ЕАЭС для населения и бизнеса. Речь идет о переориентации эконо-

1 Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» (2016) // Россия – АСЕАН. 20 мая 2016 // <http://russia-asean20.ru/documents/>, дата обращения 31.01.2019.

2 Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (2016) // Президент России. 17 июня 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>, дата обращения 31.01.2019.

мической интеграции на потребителя, стимулировании неформальной интеграции «снизу», которая должна стать базой для укрепления формальной интеграции на макроуровне, разработке совместной программы по развитию технологий четвертой промышленной революции «Сделать в ЕАЭС 2030» для структурно-технологической модернизации экономик стран ЕАЭС, в которой заинтересованы все государства Союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Евразийский экономический союз, дезинтеграционные тенденции, торговые и валютные конфликты, общие секторальные рынки, валютный союз, неформальная интеграция*

Введение

В мае 2019 г. исполнилось пять лет с тех пор, как был подписан договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На март 2019 г. пришелся и другой юбилей – 25 лет с того момента, как Н. Назарбаев, выступая в МГУ, выдвинул идею создания подобного экономического союза.

ЕАЭС имеет особое значение для России, так как в ее состав входят бывшие союзные республики, с которыми сохранились различные производственные, культурные и человеческие контакты. Хотя на ЕАЭС приходится менее 10% внешней торговли России, он является наиболее тесным и институционально организованным экономическим образованием, а его члены входят и в политический союз – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Все это имеет особое значение в условиях, когда после 2014 г. происходит постепенное усиление политической и экономической изоляции России. Не случайно Россия и зарубежные страны ЕАЭС совмест-

но выступают одним из участников новых экономических союзов в форме зон свободной торговли (ЗСТ), которые они стремятся создавать.

Наряду с определенными достижениями, которых добился ЕАЭС за небольшой период своего существования, все острее стали проявляться серьезные вызовы для его развития и даже существования. Наметилось обострение отношений между отдельными участниками ЕАЭС, появились критические оценки хода евразийской интеграции и размышления о ее дальнейших перспективах.

Сложившаяся ситуация заставляет говорить о необходимости модернизировать стратегию развития ЕАЭС. Причем речь может идти не только о частичном совершенствовании реализуемой стратегии, но и об обсуждении принципиальных альтернативных идей.

Такая постановка вопроса тем более актуальна, что готовится документ, который определит стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. и раскроет конкретные механизмы и мероприятия по реализации этой стратегии.

В данной связи важно проанализировать сложившуюся практику интеграционного взаимодействия стран ЕАЭС, акцентировав внимание на имеющихся проблемах в данной области, а также оценить перспективы ЕАЭС как интеграционного объединения в меняющейся глобальной экономике.

Внешние вызовы для ЕАЭС

В последние годы наблюдается серьезное усиление заинтересованности зарубежных стран ЕАЭС в развитии связей с третьими странами, что может усилить дезинтеграционные тенденции

в этом союзе. В первую очередь это касается Китая, с которым еще в 2000-е гг. наметилось быстрое сближение государств ЕАЭС, усилившееся в связи с появлением проекта «Один пояс – один путь».

В 2018 г. Китай занимал ведущее место во внешней торговле Киргизии (46,3% от ее общего объема) и Казахстана (15,7%). Влияние Китая возрастет и в европейских членах ЕАЭС – Белоруссии и Армении.

Фактически происходит «китаизация» постсоветского пространства. Китай при осуществлении внешнеэкономической политики исходит из своих национальных интересов, гибко использует принцип «мягкой силы», расширяя свое экономическое и политическое влияние на новые государства. Это приводит к частичному «размыванию» евразийских интеграционных процессов [Воробьев 2017; Глинкина, Куликова, Тураева, Голубкин, Яковлев 2018].

Расширяется сотрудничество ЕС с зарубежными странами ЕАЭС. На Евросоюз в 2018 г. пришлось 56,3% всего товарного экспорта (в 2017 г. было 50,2%) и 34,6% импорта (в 2017 г. – 19,6%) Казахстана. В декабре 2015 г. Казахстан подписал соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое нацелено на существенное углубление торговых и экономических отношений. Оно охватывает 29 сфер взаимодействия, включая инвестиции, развитие торговли, инфраструктуры и такие сферы, как инновация, культура, спорт, туризм, сотрудничество правоохранительных органов¹.

На фоне растущей международной изоляции России усилилось стремле-

ние Белоруссии и Казахстана проводить многовекторную внешнюю политику. Эти государства последовательно развивают сотрудничество и с теми странами СНГ, где у России существуют определенные проблемы. Как подчеркнул лидер Белоруссии А. Лукашенко, Белоруссия не будет отказываться от экономических связей с Украиной после ее выхода из Содружества². Белоруссия стремится расширить связи с Евросоюзом, заявляя о готовности участвовать в Восточном партнерстве, если европейские капиталы придут в страну. Все зарубежные страны ЕАЭС разрешили безвизовый краткосрочный въезд граждан ЕС и США.

Помимо Китая Казахстан расширяет сотрудничество с другими государствами, например с США, пользуясь своим транзитным положением. США является вторым после Нидерландов крупнейшим инвестором в экономику Казахстана, их прямые инвестиции на начало 2019 г. составили 31,2 млрд долл. Обращают на себя внимание такие символические жесты Казахстана, как переход с кириллицы на латиницу, снятие им русских надписей с денежных купюр и монет. У нового руководства Казахстана будут в большей мере развязаны руки при проведении многовекторной внешнеэкономической политики.

Армения также стремится развивать связи вне ЕАЭС. Речь идет о сотрудничестве с Евросоюзом на основе ратифицированного парламентом страны в апреле 2018 г. соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. ЕС предоставил Армении финансовую помощь в размере 175 млн

1 Ковалева Т. (2015) Новое соглашение Казахстана и ЕС о сотрудничестве включает в себя 29 сфер // *Zakon.kz*. 21 декабря 2015 // <http://www.zakon.kz/4764363-novoe-soglashenie-kazakhstan-i-es-o.html>, дата обращения 31.03.2019.

2 Лукашенко А. (2018) Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 24 апреля 2018 // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/, дата обращения 31.03.2019.

евро. Нельзя исключать и обострение отношений Армении с партнерами по ЕАЭС и ОДКБ, поддерживающими Азербайджан.

Казахстан стремится усилить свое влияние в Центральной Азии. Он стал инициатором проведения консультативного саммита 5 государств региона в 2015 г. в Астане, где отмечалась необходимость углубления экономического сотрудничества и возможность формирования в перспективе более тесного экономического союза.

Внутренние вызовы для ЕАЭС

Степень внутренней интегрированности в ЕАЭС продолжает оставаться на невысоком уровне. Удельный вес взаимной торговли товарами в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС в 2014–2018 гг. колебался в диапазоне 13–17%. Это значительно уступает минимальному порогу интеграционной устойчивости в 25% [Зевин 2015]. Перспективы преодоления этого рубежа не внушают оптимизма, что во многом связано и с объективными причинами. ЕАЭС – асимметричный союз, где доминирующее положение занимает Россия. На нее приходится 80% населения, 86% ВВП, 88% промышленного производства и 65% взаимной торговли всего союза. При преобладании во взаим-

ных связях межотраслевого обмена (в основном, топлива и сырья на готовые изделия) и слабом развитии внутриотраслевой кооперации производства сложно ожидать существенного увеличения доли взаимного товарооборота.

Снижение объема взаимной торговли в 2014–2016 гг. после относительно успешных 2011–2013 гг. сменилось ее ростом в 2017–2018 гг., хотя и не были достигнуты показатели 2013 г. (см. табл. 1).

Одной из важнейших задач евразийской интеграции является формирование секторальных общих рынков ЕАЭС в структуроопределяющих областях экономики, которые в перспективе станут основой для образования общего рынка союза. Однако этот процесс идет медленно, сложно преодолеваются разногласия сторон по отдельным принципиальным вопросам. Это ставит под угрозу достижение поставленных в Договоре о ЕАЭС сроков создания общих рынков – например, общего рынка газа, общего рынка нефти и нефтепродуктов и общего финансового рынка к 2025 г. [Договор о Евразийском экономическом союзе 2014].

Хотя формально общий рынок лекарственных средств ЕАЭС был запущен в 2018 г., с учетом установленных переходных периодов в полной мере его функционирование будет осуществляться не ранее 2025 г. [Доклад о ре-

Таблица 1. Показатели развития взаимной торговли товарами государств ЕАЭС (до 2015 г. – ТС и ЕЭП)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт, млрд долл.	47,1	63,1	67,8	64,5	58,5	45,7	43,0	54,2	59,7
Импорт, млрд долл.	47,2	63,0	67,7	64,3	58,4	45,1	42,1	53,2	58,3
Доля во всей торговле, %	13,7	13,7	14,5	13,8	13,4	15,8	16,4	16,9	15,7

Источник: база данных Евразийской экономической комиссии.

ализации основных направлений интеграции 2018]».

Наблюдается задержка с созданием общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, которое «перенесено» на 1 июля 2019 г. Однако, по мнению некоторых экспертов, реально единый электроэнергорынок в ЕАЭС к этому сроку не заработает³.

В отношении возможностей реализации некоторых других важнейших договоренностей по секторальным общим рынкам не только в указанные в Договоре о ЕАЭС сроки, но и в принципе также возникают определенные сомнения. Например, государства ЕАЭС никак не могут прийти к единому соглашению о формировании общего рынка газа. Ключевая проблема – определиться с ценой на транзит газа. В декабре 2018 г. была утверждена программа формирования единого рынка газа, она предусматривает разработку ряда концептуальных документов, таких как единые правила доступа к газотранспортным системам, порядок осуществления биржевых торгов газом и правила торговли на общем рынке топлива. Однако подходы к этим проблемам отдельных участников ЕАЭС существенно различаются. Еще сложнее ситуация с общим рынком нефти, о чем будет сказано ниже.

Ужесточение западных санкций в отношении России, существенно затрагивающих финансовую сферу, ведет к снижению заинтересованности в создании общего финансового рынка. Но главные сомнения здесь возникают в связи с возможностью достижения к 2025 г. достаточной степени гармонизации и сближения национальных сфер законодательства, необходимых

для эффективной деятельности нового наднационального финансового органа ЕАЭС.

Сама идея ЕАЭС появилась в начале 1990-х гг., а договор о его создании готовился в то время, когда были принципиально другие условия и ожидания в отношении перспектив развития глобальной экономики и экономики стран ЕАЭС. Кроме того, в нем были использованы идеи Декларации о Евразийской экономической интеграции (2011 г.) и 17 базовых соглашений, формирующих единое экономическое пространство Белоруссии, Казахстана и России (вступили в силу с 1 января 2012 г.). Поэтому в Договоре о ЕАЭС нашли отражение многие устоявшиеся представления о развитии тесных интеграционных альянсов.

В условиях санкционных войн, а также рецессии и последующего медленного восстановления экономического роста участились торговые и валютные конфликты между странами ЕАЭС. Формально зарубежные страны ЕАЭС поддержали Россию в ее ответных действиях в отношении западных санкций, однако, по данным Федеральной таможенной службы России, они чаще других стран нарушали соответствующие ограничения [Результаты противодействия 2016].

Возникло такое новое явление, как «исчезающий» транзит через Россию белорусской продукции в Казахстан, Киргизию и Армению. По данным Россельхознадзора, в 2017 г. к партнерам по ЕАЭС не доехало 15 тыс. тонн молочной продукции, что составило 29% от общего заявленного объема соответствующих поставок белорусской продукции. С января по сентябрь 2018 г.

3 Маненок Т. (2018) Полноценный рынок электроэнергии в ЕАЭС в 2019 году не заработает // Thinktanks.by. 21 апреля 2018 // <https://thinktanks.by/publication/2018/04/21/polnottsennyy-rynok-elektroenergii-v-eaes-v-2019-godu-ne-zarabotaet.html>, дата обращения 31.03.2019.

объем таких «потерь» составил 61 тыс. т, или 74,5% всей ввезенной в Россию молочной продукции. Поступающее из Белоруссии временно запрещенное к ввозу в Россию сухое молоко может быть использовано для изготовления фальсифицированной продукции, реализуемой впоследствии на российском рынке. Это требует, по мнению Россельхознадзора, введения системы прослеживаемости и строго контроля транзита на территории ЕАЭС⁴.

На внутренних товарных рынках государства ЕАЭС продолжают применять друг против друга нетарифные ограничения, замаскированные под санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры. Изъятия из национального режима в сфере госзакупок, которые изначально рассматривались как исключительные меры, начали применяться системно и на постоянной основе [Мядзведзева 2019].

Все это мешает прогрессу в такой важной области, как взаимный допуск на равных условиях всех членов ЕАЭС к госзакупкам. С этой проблемой тесно связано и участие стран ЕАЭС в программе импортозамещения в России. По большому счету, импортозамещение не должно распространяться на импорт из стран ЕАЭС. В. В. Путин еще в 2016 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета предложил партнерам по ЕАЭС участвовать в совместном производстве оборудования и комплектующих более чем в 25 отраслях, в том числе в машиностроении, электронной и легкой промышленности, сельском хозяйстве⁵. Однако на практике поставки из ЕАЭС часто рассматриваются в России как кон-

курентные по сравнению с развитием собственного производства.

Страны ЕАЭС прилагают большие усилия к решению этих проблем. Для учета барьеров и ограничений ими составлена «Белая книга», где на начало 2018 г. было около 130 позиций, из которых больше половины страны ЕАЭС согласились снять. Но регулярно появляются новые проблемы, то есть увеличивается число таких позиций. Причем рост фиксируемых новых барьеров опережает число снятых ограничений. За 2018 г., например, устранили 13 барьеров, а в работу добавилось 19 [Мядзведзева 2019].

Причем в «Белой книге» отражаются далеко не все препятствия, так как ряд из них имеют скрытый характер. Например, хотя норма, согласно которой доля белорусских товаров в магазинах должна составлять не менее 70%, была отменена еще в 2006 г., Министерство торговли Белоруссии по-прежнему использует ее в качестве рекомендательной. По оценке Министерства экономического развития РФ, в 2018 г. потенциальный ущерб России от введенных белорусской стороной ограничительных мер, в основном из-за разрешительной системы мер для импорта мяса птицы и парнокопытных, рыбы, молочной продукции и тому подобных товаров, составил 42 млн долл. [О работе по устранению барьеров на внешних рынках 2019]. Такая система предусматривает, что любой экспортер должен каждый раз спрашивать разрешение на ввоз той или иной продукции в уполномоченном органе страны-импортера. И не факт, что он получит согласие.

4 Россельхознадзор заявил в Евразийскую экономическую комиссию о необходимости принятия мер в отношении поступающей из Белоруссии в Россию запрещенной продукции (2018) // Россельхознадзор. 17 ноября 2018 // <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/28759.html>, дата обращения 31.03.2019.

5 Президент России Владимир Путин пригласил государства ЕАЭС принять участие в российской программе импортозамещения (2016) // ТАСС. 31 мая 2016 // <https://tass.ru/ekonomika/3326767>, дата обращения 31.03.2019.

Остро проблемы таможенного союза государств ЕАЭС проявились в результате вступления в ВТО Казахстана, снизившего импортные пошлины на 3,5 тыс. наименований товаров. Такие же исключения в связи с обязательствами по ВТО, но в значительно меньшем масштабе действуют для Киргизии и Армении, однако товары из этих государств могут свободно обращаться на рынке ЕАЭС только при условии доплаты пошлин по ставкам Единого таможенного тарифа (ЕТТ) ЕАЭС. В отношении же Казахстана встал вопрос контроля за недопущением реэкспорта товаров, поступивших из третьих стран на рынок ЕАЭС.

Это противоречит парадигме ЕАЭС и требует гармонизации таможенных тарифов в ЕАЭС путем их приближения к минимальному уровню. Что в перспективе может облегчить вхождение ЕАЭС в современные экономические партнерства, отличающиеся либеральными условиями взаимной торговли.

Не следует забывать и о других исключениях из общих правил, которые используют отдельные страны ЕАЭС. Договор о ЕАЭС предусматривает такие исключения, но они могут заметно нарушать единое таможенное про-

странство и создавать односторонние конкурентные преимущества. Это относится к так называемым «специальным зонам», где может быть введен особый таможенный режим. Например, Казахстан предоставил до 1 января 2020 г. возможность беспошлинного ввоза белого сахара из третьих стран 11 предприятиям пищевой и безалкогольной промышленности, зарегистрированным в режиме свободного склада. То есть освободил эти предприятия от уплаты предусмотренной ЕТТ ЕАЭС импортной пошлины на ввоз белого сахара в размере 340 долл. за тонну [Муминов 2019].

Нередко причиной острых торговых конфликтов между странами ЕАЭС становится несогласованность их действий в сфере валютного регулирования. В этом плане остаются нерешаемыми соответствующие положения Договора о ЕАЭС (Раздел XIV «Валютная политика» и Приложение к Договору № 15).

Особое значение в этом плане имеет валютная политика России, так как российский рубль играет важнейшую роль в обслуживании взаимной торговли стран ЕАЭС, где на него в 2013–2017 г. приходилось от 62 до 75% (см. табл. 2).

Таблица 2. Валютная структура платежей во взаимной торговле товарами и услугами между странами ЕАЭС, %

Валюта расчетов	2013	2014	2015	2016	2017
Российские рубли	61,8	67,4	68,0	74,1	74,9
Доллары	30,3	26,3	25,0	19,3	18,3
Евро	6,8	5,2	5,1	5,2	5,2
Другие валюты	1,1	1,1	0,9	1,4	1,6

Источник: О платежах за экспорт и импорт товаров и услуг в 2017 г. (2018) // ЕЭК // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integer_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/ei_payments/express_payments_2017.pdf, дата доступа 31.03.2019.

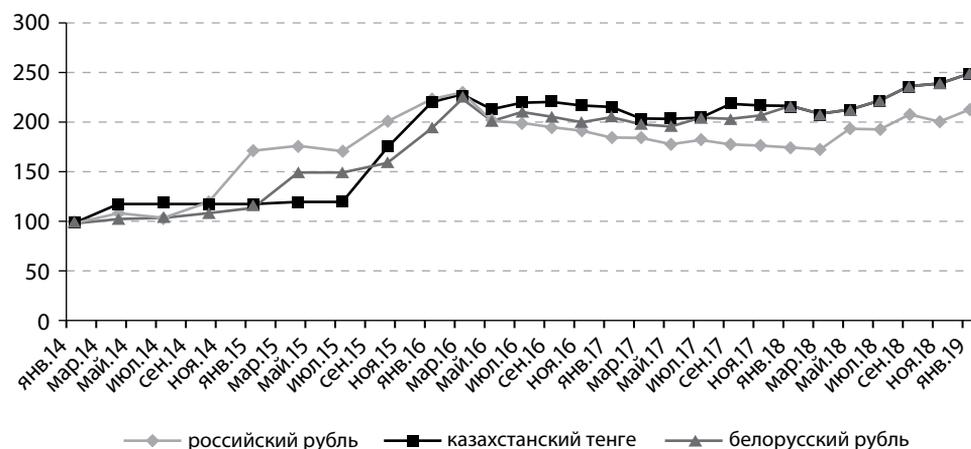
Девальвация рубля в период с ноября 2014 г. до марта 2016 г. способствовала еще большей девальвации национальных валют в 2016–2018 гг. в Казахстане и Белоруссии, которая опережала девальвацию рубля (см. рис. 1).

Асинхронная девальвация валют стран ЕАЭС приводит к новым конфликтам в торговле и оживлению дезинтеграционных настроений в среде предпринимателей. В 2015 г., например, Казахстан вводил эмбарго на импорт российских нефтепродуктов, конфет, масла и мяса, соков, яиц, макаронных изделий, муки, некоторых марок водки и пива. Девальвация рубля резко повысила их конкурентоспособность на казахстанском рынке, что поставило под угрозу бизнес местных производителей. В ответ Роспотребнадзор обнаружил нарушения фитосанитарных норм в ряде казахстанских продовольственных товаров, поставлявшихся в Россию.

Нестабильность курса российского рубля ведет к тому, что доллар остается доминирующей валютой при оплате товаров и услуг между зарубежными государствами ЕАЭС. В частности, в расчетах Республики Беларусь со странами ЕАЭС, кроме России, на него приходится порядка 50%, в расчетах Республики Казахстан и Киргизской Республики — около 80% [Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы 2018, с. 19].

Ряд экспертов считает, что сама идея валютного союза в ЕАЭС носит дезинтеграционный характер [Караганов 2018; Демидов 2018; Алексеевских 2015]. Происходящее в последние годы увеличение доли расчетов в рублях объясняется не столько укреплением интеграционного потенциала ЕАЭС, сколько геополитической ситуацией в мире и санкционным режимом в отношении России⁶.

Рисунок 1. Волатильность курсов национальных валют отдельных стран ЕАЭС по отношению к доллару США, курсы на 1 января 2014 г. – 100.

Источник: базы данных центральных банков России, Белоруссии и Казахстана.

⁶ Шубтик А. (2019) Не доросли. Почему Беларуси, России и их партнерам по ЕАЭС не стоит спешить с единой валютой // TUT.by. 11 февраля 2019 // <https://news.tut.by/economics/625874.html>, дата обращения 31.03.2019.

Действительно, против валютного союза играют не только повышенная волатильность курсов национальных валют, но и такие объективные факторы, как низкая доля взаимной торговли и инвестиций, различный уровень развития и отсутствие прогресса в гармонизации регулирования финансовых рынков и банковского законодательства и т.п. Создание валютного союза и соответствующего наднационального регулятора пугает зарубежные страны ЕАЭС необходимостью отказа от самостоятельной денежно-кредитной политики. Это подтверждают и многолетние неудачные попытки создания валютного союза в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. Стоит отметить, что даже в валютный союз ЕС входят только 19 из 28 его членов.

Наблюдается уменьшение прямой и косвенной финансовой поддержки со стороны России, что не может не вызвать недовольство ее партнеров из ЕАЭС. Так, величина нефтегазового трансферта из России партнерам по ЕАЭС в 2012 г. составляла 11,8 млрд долл., а в 2014 г. она снизилась до 6,4 млрд долл. [Кнобель 2015, с. 89].

МВФ в сентябре 2016 г. оценивал общую поддержку белорусской экономики со стороны России только в 2005–2015 гг. в 106 млрд долл., или около 9,7 млрд долл. в год [Ткачев, Файнберг 2017].

Согласно расчетам А. Кнобеля, российский нефтегазовый трансферт Белоруссии в форме скрытых нефтегазовых субсидий в 2012–2017 гг. составил не менее 30 млрд долл., то есть примерно 8% белорусского ВВП за этот период. Оценка трансферта в 2018 г. – около 4,3 млрд долл., это 7,9–8% ВВП Белоруссии [Кнобель 2018].

Сильно ударит по Белоруссии налоговый маневр, который осуществля-

ет Россия. Он подразумевает постепенный отказ с 2019 г. от экспортной пошлины на нефть с существующих 30% до нуля к 2025 г. в связи с ее заменой на налог на добычу (НДПИ), что серьезно ухудшит эффект для импортеров.

По мнению белорусского эксперта П. Петровского, налоговый маневр связан с обязательствами России при вступлении в ВТО выйти на рыночные цены на нефть внутри страны. Однако предполагаемый маневр для предприятий внутри страны будет компенсироваться различными механизмами. И в этом отношении белорусские нефтеперерабатывающие предприятия оказываются в менее выгодных условиях, нежели их российские коллеги. И выходов здесь два – либо отменить субсидию российского правительства своим предприятиям, либо назначить ее также и белорусским [Петровский 2019].

С одной стороны, эта точка зрения навязывает определенные решения для суверенной налоговой и денежно-кредитной политики России, которая должна учитывать свои международные обязательства, в том числе по сближению внутренних и международных цен. Кроме того, принципы ВТО, где есть Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам, в принципе ограничивают применение субсидий в экономической политике. Подобные принципы закреплены и в Договоре о ЕАЭС (2014 г.), где имеется специальная статья 93 «Промышленные субсидии». Поэтому, скорее всего, компенсация российских потребителей после завершения налогового маневра будет иметь избирательный и ограниченный характер, а также осуществляться в других формах. Важно и то, что приоритетной задачей налогового маневра является стимулирование процессов структурной перестройки экономики и снижения ее энергоемкости. Как для

России, так и для стран ЕАЭС, импортирующих ее топливно-сырьевую продукцию.

С другой стороны, встает вопрос о коренной заинтересованности Белоруссии в развитии евразийской интеграции. Ведь создание секторальных рынков и в дальнейшем общего рынка в ЕАЭС подразумевает равный доступ на национальные рынки для всех участников интеграционного процесса. А после реализации российского налогового маневра хозяйственные субъекты могут оказаться в неравных условиях на нефтяном рынке. Это противоречит идеологии, заложенной в Договоре о ЕАЭС. Не случайно в конце 2018 г. создана рабочая группа, которая должна выработать компромиссное решение по этим вопросам.

В данной связи уместно вспомнить опыт Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и дальнейшее развитие отношений России с Вьетнамом, Кубой и Монголией, получавшими от СССР большую помощь. Многие реальные результаты этой поддержки оказались бездарно утраченными: практически полное списание задолженности перед бывшим СССР и накопленным по ней процентам в размере почти 50 млрд долл., потеря совместно эксплуатировавшихся производственных объектов, рынков и привилегированного доступа к природным ресурсам, утрата влияния и т.п. Поэтому решение вопроса об экономической поддержке партнеров по ЕАЭС не может быть простым, и здесь, вероятно, необходимы продуманные уступки с российской стороны.

Снижение интеграционного потенциала России в ЕАЭС

Все более серьезной проблемой в развитии ЕАЭС становится ослабление позиций России как основного драйвера интеграционных процессов в ЕАЭС. Дело в том, что ЕАЭС – асимметричный союз, где Россия играет ведущую роль. В большинстве интеграционных союзов есть свои страны-драйверы, которые стимулируют развитие интеграционных процессов. В ЕАЭС такую роль с самого начала объективно играла Россия, обладающая самым мощным экономическим и научно-технологическим потенциалом, разнообразными природными ресурсами.

Однако после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и введения западных экономических санкций наблюдается слабый экономический рост России, уступавшей среднемировым показателям, что привело к снижению ее удельного веса в глобальном ВВП. По данным МВФ, доля России в мировом ВВП (по ППС) сократилась с 3,62% в 2010 г. до 3,15% в 2017 г. и 3,09% (оценка) в 2018 г., а в 2023 г., по прогнозам, составит 2,8%⁷. По номинальному же валютному курсу ВВП России в 2018 г. занимала 11-е место в мировом рейтинге – 1,97%, что существенно уступало показателям США (23,3%) и Китая (16,1%)⁸.

Чрезвычайно важным обстоятельством является технологическое отставание России по некоторым ключевым направлениям. В этом плане интересны данные Глобального инновационного индекса (ГИИ), дающего представле-

7 GDP Based on PPP, Share of World (2018) // IMF // <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD/RUS>, дата обращения 31.03.2019.

8 GDP (Nominal) Ranking 2018 (2019) // Statistics Times, April 2, 2018 // <http://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php>, дата обращения 31.03.2019.

ние об уровне развития и внедрения инноваций на основании мониторинга 126 стран. При составлении этого рейтинга учитываются более чем 80 параметров – количество поданных патентов в ключевых отраслях экономики, расходы на образование и науку, динамика внедрения инноваций и скорость их продвижения от патентного бюро до практического воплощения и т. п. В ГИИ-18 Россия оказалась на 46-м месте (в ГИИ-17 было 45-е), оказавшись между Вьетнамом и Чили. Первые места в этом рейтинге имели Швейцария, Нидерланды, Швеция, Великобритания, Сингапур, США, Финляндия, Дания, Германия, Ирландия. Китай занял 17-е место, в то время как в ГИИ-17 у него было 22-е [Global Innovation Index 2018 2018].

Несмотря на некоторые успехи последних лет, Россия пока отстает от лидеров в развитии цифровой экономики, которая уже сейчас является ключевой предпосылкой для экономического роста. Задержка России в освоении цифровых технологий, по оценкам аналитиков VCG, составляет около 5–8 лет.

Если не предпринимать усилий, то уже через 5 лет этот разрыв в силу высокой скорости глобальных изменений и инноваций может составить 15–20 лет [Ленчук 2018, с. 9].

Характерно, что Казахстан в своей программе умной реиндустриализации «Новая технологическая инициатива» уже ориентируется не на региональный «евразийский» формат, а на глобальный. Эта программа имеет сходные цели с подобными программами умной реиндустриализации, принятыми во многих странах мира и нацеленными на структурно-технологическую модернизацию страны. Казахстанская «Новая технологическая инициатива» предполагает встраивание казахстанского бизнеса в глобальные цепочки производства и сбыта товаров и услуг. При этом в качестве ориентира технологического развития и основного партнера в производственной и инвестиционной сфере рассматриваются не страны – члены ЕАЭС, а Китай. Казахстан расценивает китайские технологии как более конкурентоспособные, а инвестиции – перспективные⁹.

Таблица 3. Место отдельных участников ЕАЭС в рейтингах Doing Business

	2015			2017			2019		
	Общий	Э/И*	Стр-во	Общий	Э/И	Стр-во**	Общий	Э/И	Стр-во
России	62	155	156	40	140	115	31	99	48
Казахстан	71	185	154	35	119	22	28	102	35
Белоруссия	57	145	51	37	30	28	37	25	46
Армения	45	110	81	38	48	81	41	46	98
Киргизия	102	183	42	75	79	32	70	70	29

*условия для внешней торговли

** получение разрешения на строительство

Источник: база данных Doing Business за соответствующие годы

9 Тулиндинова Ж. (2017) Казахстан в 2025 г. // Российский Совет по международным делам. 14 июня 2017 // <http://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-v-eaes-k-2025-godu/>, дата обращения 31.03.2019.

Проявлением ослабления позиций России в ЕАЭС является усиление экономической конкуренции. Об этом говорят рейтинги участников ЕАЭС с точки зрения условий для развития бизнеса (см. табл. 3).

В целом, наблюдается улучшение положения в интегральном рейтинге конкурентоспособности 190 стран (рейтинг 2019 г.). При этом большой прогресс заметен у Казахстана, который обогнал Россию по интегральному показателю благоприятности условий для бизнеса. Из 10 показателей, формирующих интегральный рейтинг, особенно выделяются существенные различия в областях, играющих большую роль с точки зрения развития взаимных связей. Это условия для ведения внешней торговли и очень важное для инвесторов получение разрешения на строительство. Россия и Казахстан, несмотря на некоторое улучшение позиций, в отношении условий для внешней торговли заметно уступают другим государствам ЕАЭС.

Хотя Договор о ЕАЭС предусматривает гармонизацию налогового законодательства, страны ЕАЭС, стре-

мясь создать лучшие условия для развития предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций, пока плохо реализуют эту договоренность (см. табл. 4). При этом в непрестом положении оказывается Россия, испытывающая серьезное санкционное давление и проблемы в увеличении доходов бюджета, которые ограничивают ее возможности по снижению налогов.

При этом наблюдается обострение налоговой конкуренции отдельных членов ЕАЭС. Так, в Казахстане с 1 января 2018 г. уменьшен НДС до 12%, в то время как Россия наоборот увеличила ставку этого налога с 2019 г. с 18 до 20%.

Конкуренция юрисдикций в ЕАЭС создает условия для перемещения активов и налогов из России, а также больше привлекает зарубежный бизнес из третьих стран в другие страны союза. Так, число предприятий с российским капиталом в Казахстане возросло с 10,7 тыс. в 2013 г. до 13,7 тыс. в 2018 г.¹⁰ На начало 2012 г. в Белоруссии было зарегистрировано 2117 организаций с российским капиталом, а на начало 2018 г. их было 2539, в том числе 1397 совместных и 1128 чисто российских организаций¹¹. И

Таблица 4. Уровень налогообложения в странах ЕАЭС в 2019 г.

	Налог на прибыль	НДС	НДФЛ	Страховые взносы
Россия	20	20	13	22
Белоруссия	10–25	10–20	13	29
Казахстан	10–20	12	10	9,5
Армения	20	20	9–15	0
Киргизия	20	12	10–20	>17

Источники: базы данных налоговых органов стран ЕАЭС.

¹⁰ Мухышбаева А. (2018) Как повышение НДС в России отразится на Казахстане // Allinsurance.kz. 3 августа 2018 // <https://allinsurance.kz/news/finance/7014-kak-povyshenie-nds-v-rossii-otrazitsya-na-kazakhstane>, дата обращения 31.03.2019.

¹¹ База данных (2019) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь // <http://www.belstat.gov.by>, дата обращения 31.03.2019.

этот процесс будет усиливаться по мере преодоления средним и малым бизнесом негативных представлений об условиях хозяйствования в «бывших союзных республиках».

Еще одним вызовом для России стал Международный финансовый центр (МФЦ) «Астана» в Казахстане, открытый 5 июля 2018 г. Для повышения его инвестиционной привлекательности и защиты инвесторов на базе МФЦ «Астана» Казахстан создал новый экономический суд, где будут использоваться принципы английского права и работать председатель и 8 судей из Великобритании.

Альтернативные стратегии

Дискуссия о перспективах ЕАЭС заметно обострилась в последнее время, причем в нее включились и официальные лица. Очень резко стал критиковать положение дел в ЕАЭС Президент Белоруссии. Даже после достижения определенного компромисса с Россией по ценам на газ на 2019 г. и ряду других вопросов, на совещании, посвященном сотрудничеству с европейскими организациями и участию Белоруссии в соответствующих интеграционных структурах (март 2019 г.), А.Г. Лукашенко заявил, что «к сожалению, процесс евразийской интеграции поворачивается вспять, если уже не повернулся. Мне докладывают о барьерах, препятствиях и ограничениях для наших субъектов хозяйствования. Отсутствие конкретной работы по их устра-

нению прикрывается некой цифровой повесткой»¹².

Такая критическая позиция имеет объективные причины, так как Белоруссия очень чувствительна к наличию барьеров во взаимной торговле. По доле ВВП в общем объеме внутреннего валового продукта ЕАЭС она занимает примерно 3,6%. По доле в экспорте (от 25–30%) Белоруссия уступает только России, а по доле импорта (около 40%) она опережает Россию¹³.

Существование острой проблемы свободного перемещения товаров и услуг и капитала в ЕАЭС подчеркнул на саммите глав ЕАЭС в мае 2018 г. в Сочи, но в более дипломатичной форме Н. Назарбаев. Он предложил сформировать специальную межправительственную рабочую группу для выработки комплекса мер по анализу выполнения принятых решений и продвижению экономик ЕАЭС с учетом непростых современных геоэкономических условий¹⁴.

Намного откровеннее официальных лиц высказываются о положении дел в ЕАЭС некоторые казахстанские эксперты. Так, в 2016 г. А. Амребаев отмечал, что «с совершенной очевидностью встает вопрос о том, можем ли мы в полном объеме воспринимать современную российскую политико-экономическую доктрину как свою и идти “до конца” в своем “дружеском экстазе” за быстро стагнирующей и заметно сокращающей свое мировое влияние Россией. Полагаю, что элементарный инстинкт самосохранения должен заставить нас самым серьезным образом по-

12 Лукашенко А.Г. (2019) Выступление на совещании по вопросам участия в интеграционных структурах и сотрудничества с европейскими организациями // Президент Республики Беларусь. 5 марта 2019 // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-voprosam-uchastija-v-integratsionnyh-strukturax-i-sotrudnichestva-s-evropejskimi-20640/, дата обращения 31.03.2019.

13 Александров А. (2019) Министр ЕЭК: Беларусь несет наибольшие издержки от существующих в ЕАЭС барьеров // TUT.by. 28 февраля 2019 // <https://news.tut.by/economics/624219.html>, дата обращения 31.03.2019.

14 Что предложил Назарбаев на выступлении в Сочи (2018) // Zakon.kz. 14 мая 2018 // <https://www.zakon.kz/4918221-chto-predlozil-nazarbaev-na.html>, дата обращения 31.03.2019.

думать о диверсификации своей внешнеэкономической стратегии» [Амребаев 2016].

Все чаще дают критическую оценку сложившейся модели сотрудничества в ЕАЭС российские эксперты, говорящие о необходимости серьезного пересмотра стратегии России по развитию евразийской интеграции [Винокуров 2016; Иноземцев 2019; Холодков и др. 2019].

В данной связи закономерно возникает вопрос, насколько необходимо для ЕАЭС следовать по пути Евросоюза, включая постановку явно нерелистических задач типа создания ограниченного валютного союза и передачи на наднациональный уровень новых компетенций.

Мировой опыт свидетельствует об обратном. С. Афонцев отмечает неадекватность новым условиям развития попыток воспроизведения опыта Европейского Союза на постсоветском пространстве и оценок возможностей успешной «интеграции по европейскому пути». Он пишет: «упускается из внимания тот факт, что многие шаги, которые в свое время были сделаны Европейским Союзом, были актуальны для конкретной исторической обстановки, но не имеют смысла в начале XXI века» [Афонцев 2014].

Не стоит ли, не разрушая уже имеющиеся в ЕАЭС институты, сконцентрировать внимание на формировании гибкого экономического партнерства современного типа, которое обеспечивало бы создание реального общего рынка, и не тратить большие усилия и средства на укрепление существующих и создание новых малоэффективных наднациональных структур.

В ЕАЭС нет ни одной принципиальной проблемы, которую нельзя решить на министерском или правительственном уровне. Этот вывод подтверждается практикой функционирования всех

(кроме ЕС) региональных интеграционных группировок и новых экономических мегапартнерств, где нет подобных наднациональных органов. Необходимо также учитывать и тот факт, что наднациональные органы ЕС управляют интеграционными процессами в значительно большем по размеру экономическом комплексе, то есть решают более масштабные задачи. В 2017 г. суммарный ВВП (по ППС) 28 стран ЕС более чем в 4,5 раза превышал аналогичный показатель для государств ЕАЭС.

Высказанная выше позиция является альтернативой официальной точке зрения на стратегические перспективы развития институциональной структуры ЕАЭС. Естественно, такие идеи не могли найти отражение в принятой главами государств-участников в декабре 2018 г. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, которая должна стать стратегическим ориентиром для стран – участников ЕАЭС на долгосрочную перспективу [Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов 2018]. Однако уже сам факт появления такой Декларации говорит о том, что что-то пошло не так в развитии интеграции в ЕАЭС. Декларация намечает важнейшие направления активизации сотрудничества, однако, на мой взгляд, имеет слишком общий и формальный характер. В данной связи следует выделить ряд приоритетов, которые могли бы улучшить положение дел.

Принципиальным поворотом в развитии интеграции в ЕАЭС должна стать ее переориентация на потребителя, что соответствует переходу от глобализации производителей к глобализации потребителей, основанной на развитии интернета и цифровых технологий [Хейфец 2018].

Такой разворот тем более актуален, что в странах ЕАЭС значительно

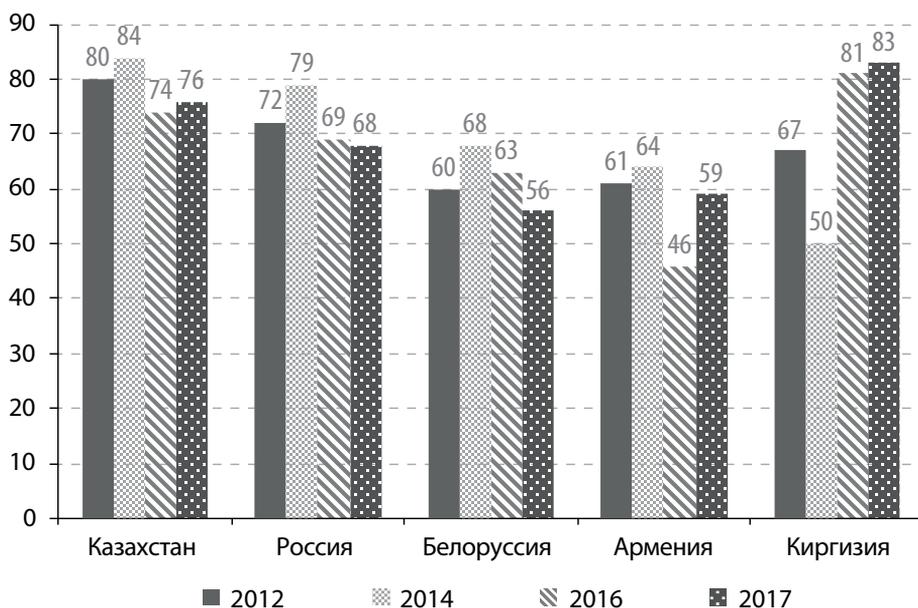
снизилась поддержка гражданами участия своих стран в этом союзе. По данным исследования Евразийского банка развития, одобрение ЕАЭС в странах – членах Союза за 4 года (2014–2017 гг.) значительно сократилось число позитивно настроенных граждан в странах «основателях». Так, в Казахстане доля населения, поддерживающего Союз, сократилась на 8% — с 84 до 76%, в России – с 79 до 68%, в Белоруссии – с 68 до 56% (см. рис. 3).

При этом уменьшилось число оптимистов в отношении перспектив развития ЕАЭС. На вопрос «Как вы думаете, в ближайшие пять лет страны СНГ будут сближаться или отдаляться друг от друга?» только 43% опрошенных посчитали, что сближение будет, 31% – что ничего не изменится [Интеграционный барометр ЕАБР–2017].

Если же начать реализовывать стратегию интеграции потребителей на основе интернета и цифровых технологий, нужно говорить о необходимости все большей платформизации евразийского экономического пространства, которая облегчит и включение ЕАЭС в другие экономические союзы, где наблюдаются аналогичные тенденции. Такая политика будет стимулировать человеческие и бизнес-контакты, то есть неформальную интеграцию «снизу», которая должна стать ведущим направлением для укрепления формальной интеграции на макроуровне. Нельзя не учитывать того факта, что более 75% населения стран ЕАЭС уже имеет доступ к интернету и эта цифра будет расти.

Речь идет о платформах для интернет-торговли, госзакупок, взаимных

Рисунок 3. Доля респондентов, относящихся к ЕАЭС положительно, в % от участвовавших в опросе

Источник: Интеграционный барометр ЕАБР–2017.

платежей (платежная система) и денежных переводов, мобильной связи (базы для отмены роуминга внутри ЕАЭС), дистанционной медицинской помощи, дистанционного обучения и переквалификации работников в связи с внедрением новых технологий, услуг по программированию, 3D-печати, обмена новостной информацией, телепрограммами, сериалами и художественными фильмами, электронного нотариата, информационной базы научных публикаций, аренды жилья и нежилых помещений, поиска работы, мест учебы, грузовых и пассажирских перевозок, услуг по строительству, помощи в домашнем хозяйстве, уходе за детьми и престарелыми и т.п.

Однако эти и многие другие вопросы сотрудничества по структурно-технологической модернизации экономик стран ЕАЭС на основе технологий четвертой промышленной революции в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС пока проработаны недостаточно. Хотя это направление могло бы стать еще одним ведущим приоритетом стратегии интеграции. Хотелось бы вспомнить опыт СЭВ, который, стремясь изменить зашедшую в тупик старую модель интеграции (топливо и сырье в обмен на готовые изделия), в последнее пятилетие своего существования (декабрь 1985 г.) принял «Комплексную программу научно-технического прогресса стран СЭВ до 2000 г.». Программа должна была способствовать структурным сдвигам во взаимной торговле и развитию новой модели интеграции (технологической интеграции) на основе научно-технического сотрудничества, внутриотраслевой кооперации производства

и прямых связей между предприятиями участников интеграционного процесса. К сожалению, эта программа из-за прекращения существования СЭВ не была реализована.

Можно привести и актуальный пример Китая, выступившего в 2018 г. с инициативой создания в рамках БРИКС «Партнерства в области новой индустриальной революции» (Partnership on New Industrial Revolution – PartNIR), которое могло бы заинтересовать многие развивающиеся страны и усилить влияние БРИКС в глобальной экономике¹⁵. В целях максимального расширения возможностей использования достижений четвертой промышленной революции предполагается создать сети научных парков и технологических бизнес-инкубаторов.

Подобные задачи стремятся решить все страны ЕАЭС, поэтому дополнительная концентрация сил и средств для освоения новейших технологий и развития наукоемких производств могла бы быть реализована в форме отдельной программы ЕАЭС по адаптации технологий четвертой промышленной революции, которая, несомненно, вызвала бы большой интерес его участников из третьих стран. Такая программа могла бы получить название «Сделать в ЕАЭС 2030».

При этом особая ответственность ложится на Россию, которая должна стать инициатором модернизации ЕАЭС. Но это зависит от того, есть ли у нее самой продуманная стратегия для этого экономического союза. Как показывает история экономической интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии, здесь нет однозначного ответа.

15 BRICS Leaders to Initiate Partnership on New Industrial Revolution (2018) // Xinhua, July 27, 2018 // http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/27/c_137350447.htm, дата обращения 31.03.2019.

Выводы и предложения

Сложность положения ЕАЭС состоит в том, что его развитие в большей мере, чем многих других интеграционных союзов, зависит от тесного взаимовлияния политических и экономических факторов.

Для сохранения и дальнейшего прогресса ЕАЭС имеются фундаментальные предпосылки. ЕАЭС вносит важный вклад в укрепление суверенитета его членов, усиливает их переговорную силу в международных отношениях. Что касается экономической составляющей ЕАЭС, то здесь развивается критическая ситуация. Это заставляет говорить о необходимости не только корректировки реализуемой стратегии сотрудничества, но и об обсуждении альтернативных вариантов, чтобы избежать наметившиеся дезинтеграционные тенденции.

Речь не идет об изменении основополагающего Договора об ЕАЭС, хотя современные условия развития заставляют по-новому взглянуть на некоторые ключевые задачи этого документа, особенно в части определения конкретных сроков достижения отдельных целей. Вместе с тем и готовящиеся «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.» могут стать новым формальным документом, который мало повлияет на реальное положение дел в союзе.

В таких условиях необходимы новые инициативы и активные действия, которые должны дать ощутимый эффект от существования ЕАЭС для населения и бизнеса.

Важнейшими направлениями модернизации сотрудничества в ЕАЭС должны стать:

- предотвращение дальнейшей бюрократизации экономического союза, отказ от создания новых неэффективных наднациональных органов и сужение сферы ответ-

ственности уже имеющихся наднациональных органов;

- переориентация экономической интеграции на потребителя, что соответствует переходу к этапу потребительской глобализации и усиливает поддержку ЕАЭС у населения стран – участниц союза;
- стимулирование человеческих и бизнес-контактов, то есть неформальная интеграция «снизу», которая должна стать надежной опорой для укрепления формальной интеграции на макроуровне;
- «платформизация» евразийского пространства, которая создаст новые возможности для интеграции потребителей и бизнеса;
- разработка совместной программы развития технологий четвертой промышленной революции «Сделать в ЕАЭС 2030» для структурно-технологической модернизации экономик стран ЕАЭС, в которой заинтересованы все государства союза.

Названные выше приоритеты не отменяют необходимости реализовать уже имеющиеся планы и проекты сотрудничества, но позволяют реанимировать неформальный интерес населения и бизнеса к развитию ЕАЭС. При отказе от реальной модернизации ЕАЭС, учитывавшей эти приоритеты, будет сложно избежать развития нашего союза по модели «валютящей интеграции», а в худшем случае – по модели «дезинтеграции».

Список литературы

Алексеевских А. (2015) Евразийский экономический союз пока не готов к единой валюте // Известия. 6 мая 2015 // <https://iz.ru/news/586121>, дата обращения 31.03.2019.

Амребаев А. (2016) Как политика России отражается на экономике стран ЕАЭС? // Kapital.kz. 9 февраля 2016 // <https://kapital.kz/expert/47712/kak-politika-rossii-otrazhaetsya-na-ekonomike-stran-eaes.html>, дата обращения 31.03.2019.

Афонцев С. (2014) Новый регионализм // ПостНаука. 29 мая 2014 // <https://postnauka.ru/longreads/26527>, дата обращения 31.03.2019.

Винокуров Е. (2016) Евразийский экономический союз без эмоций // Вопросы экономики. № 12. С. 43–60. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-12-43-60

Воробьев А. (2017) Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком у России // Российский Совет по международным делам. 4 июля 2017 // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/>, дата обращения 31.03.2019.

Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. (2018) Китайский фактор в развитии российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН.

Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (2018) // ЕАЭС. 6 декабря 2018 // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018, дата обращения 31.03.2019.

Демидов В. (2018) Что принесет единая валюта ЕАЭС и нужна ли она в принципе // Zakon.kz. 18 сентября 2018 // <https://www.zakon.kz/4937591-chtoprineset-edinaya-valyuta-eaes-i.html>, дата обращения 31.03.2019.

Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Министерство экономического развития Российской Федерации. 29 мая 2014 // <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>, дата обращения 31.03.2019.

Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза (2018) // ЕЭК // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Зевин Л.З. (2015) О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. М.: ИЭ РАН.

Иноземцев В. (2019) Что не так с евразийской интеграцией // РБК. 12 февраля 2019 // <https://www.rbc.ru/opinions/politics/12/02/2019/5c6277b79a7947ca4c388822>, дата обращения 31.03.2019.

Интеграционный барометр ЕАБР-2017 (2017) // Евразийский банк развития. 6 декабря 2017 // <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2017/>, дата обращения 31.03.2019.

Караганов С. (2018) ЕАЭС: от замедления к углублению // Российская газета. 4 декабря 2018 // <https://rg.ru/2018/12/04/karaganov-integraciia-v-ramkah-eaes-prinosit-politicheskie-vygody.html>, дата обращения 31.03.2019.

Кнобель А. (2015) Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. № 3. С. 87–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-87-108

Кнобель А. (2018) Скандал в союзе: как налоговый маневр рассорил Москву и Минск // РБК. 18 декабря 2018 // <https://www.rbc.ru/opinions/economics/18/12/2018/5c1785399a79473cde10ccbe>, дата обращения 31.03.2019.

Ленчук Е.Б. (ред.) (2018) Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы. Коллективный научно-аналитический доклад. М.: Институт экономики РАН.

Муминов А. (2019) Чем партнеры Казахстана по ЕАЭС недовольны в отношении сахарного рынка // Kapital.kz. 12 февраля 2019 // <https://kapital.kz/economic/75745/chem-partnery-kazahstana-po-eaes-nedovolny-v-otnoshenii-saharnogo-rynka.html>, дата обращения 31.03.2019.

Мядзведзева В. (2019) Петришенко: называть ЕАЭС экономическим союзом сегодня можно авансом // Звязда.by. 19 марта 2019 // <http://zviada.by/be/news/20190319/1552981591-petrishenko-nazyvat-eaes-ekonomicheskim-soyuzom-segodnya-mozhno-tolko>, дата обращения 31.03.2019.

Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы (2018) // Евразийский банк развития. Доклад № 48 // https://eabr.org/upload/iblock/912/EDB-Centre_2018_Report-48_National-Currencies_RUS.pdf, дата обращения 31.03.2019.

О работе по устранению барьеров на внешних рынках (2019) // Министерство экономического развития Российской Федерации // economy.gov.ru/wps/wcm/connect/1bd0c1af-ab67.../Prez20190218.PPTX, дата обращения 31.03.2019.

Петровский П. (2019) Что ждет отношения Беларуси и России в 2019 году: взгляд из Минска // Евразия-Эксперт. 16 января 2019 // <http://eurasia.expert/что->

zhdet-otnosheniya-belarusi-i-rossii-v-2019-godu/, дата обращения 31.03.2019.

Результаты противодействия незаконному ввозу санкционных товаров (2016) // Федеральная таможенная служба. 27 января 2016 // http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22499:2016-, дата обращения 31.03.2019.

Ткачев И., Фейнберг А. (2017) Скрытый счет на \$100 млрд: как Россия содержит белорусскую экономику // РБК. 2 апреля 2017 // <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30>, дата обращения 31.03.2019.

Хейфец Б.А. (2018) Глобализация не кончается, она становится другой // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 1. С. 14–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-14-33

Холодков В.М., Шевченко А.М., Александров Д.А., Ипполитов И.В., Попов Д.С., Макаревский М.Н., Мордвина А.Э. (2019) Евразийский экономический союз: проблемы развития и отношение к ЕАЭС в Центральной Азии // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 9–57 // <https://riss.ru/analytics/58370/>, дата обращения 31.03.2019.

Global Innovation Index 2018. Energizing the World with Innovation (2018) // Cornell University, INSEAD, WIPO // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf, дата обращения 31.03.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50

Eurasian Economic Union – Time for Modernization

Boris A. KHEYFETS

DSc in Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993,

Leningradskij Av., 49, Moscow, Russian Federation;

Chief Researcher, Institute of Economics of RAS, 117218, Nakhimovskij Av., 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

CITATION: Kheyfets B.A. (2019) Eurasian Economic Union – Time for Modernization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 2, pp. 29–50 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50

Received: 31.03.2019.

ABSTRACT. *The article analyzes the five-year period for the implementation of the Treaty on the Eurasian Economic Union (EAEU) and highlights the main problems of its development at the present stage. Among them there are external pressure on the EAEU from major economic agents (China) and regional economic partnerships (European Union), which leads to erosion of the Eurasian integration processes. The interaction of the EAEU partners has a negative impact on the strengthening of Western sanctions against Russia. Domestic disintegration factors are the low share of mutual trade and investment, the lack of tangible progress in the formation of common sectoral markets, the rapid growth of new non-tariff barriers and exceptions to the general rules of trade, the growth in the number of trade and currency conflicts. A serious problem is the weakening of the potential of Russia as a driver of economic integration in the EAEU. First of all, it concerns the level of innovativeness of the economy, which is the most important attractive factor in the conditions of the fourth*

industrial revolution. Tax and investment competition within jurisdictions within the EEU is increasing, which leads to the migration of Russian business to Kazakhstan and Belarus. In this regard, the article raises the question of a significant adjustment of the model of integration in the EAEU. New initiatives and actions are proposed, which should give a tangible effect on the existence of the EAEU for the population and business. We are talking about reorienting economic integration towards the consumer, stimulating informal integration, which should become the basis for strengthening formal integration at the macro level, developing a joint program to develop technologies of the fourth industrial revolution “Make in EAEU 2030” for structural and technological modernization of the economies of the EAEU countries, in which all states of the Union are interested.

KEY WORDS: *Eurasian Economic Union, disintegration trends, trade and currency conflicts, common sectoral markets, currency union, informal integration*

References

- About Work on Elimination of Barriers in Foreign Markets (2019). *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: economy.gov.ru/wps/wcm/connect/1bd0c1af-ab67.../Prez20190218.PPTX, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Afontsev S. (2014) New Regionalism. *PostNauka*, May 29, 2014. Available at: <https://postnauka.ru/longreads/26527>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Alekseevskikh A. (2015) The Eurasian Economic Union is not Yet Ready for a Single Currency. *Izvestiya*, May 6, 2015. Available at: <https://iz.ru/news/586121>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Amrebaev A. (2016) How does Russia's Policy Affect the Economy of the EAEU Countries? *Kapital.kz*, February 9, 2016. Available at: <https://kapital.kz/expert/47712/kak-politika-rossii-otrazhaetsya-na-ekonomike-stran-eaes.html>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Declaration on Further Development of Integration Processes within the Eurasian Economic Union (2018). *Eurasian Economic Union*, December 6, 2018. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Demidov V. (2018) What will the Single Currency of the EAEU Bring and whether it is Necessary in Principle. *Zakon.kz*, September 18, 2018. Available at: <https://www.zakon.kz/4937591-chto-pri neset-edinaya-valyuta-eaes-i.html>, accessed 41.03.2019 (in Russian).
- Glinkina S.P., Kulikova N.V., Turueva M.O., Golubkin A.V., Yakovlev A.A. (2018) *The Chinese Factor in the Development of the Russian Neighborhood Belt: Lessons for Russia. Scientific Report*, Moscow: Institute of Economics RAS (in Russian).
- Global Innovation Index 2018. *Energizing the World with Innovation* (2018). *Cornell University, INSEAD, WIPO*. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf, accessed 31.03.2019.
- Inozemtsev V. (2019) What is wrong with Eurasian integration. *RBC*, February 12, 2019. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/12/02/2019/5c6277b79a7947ca4c388822>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Integration Barometer EDB-2017 (2017). *Eurasian Development Bank*, December 6, 2017. Available at: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2017/>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Karaganov S. (2018) EEU: from Slowdown to Deepening. *Rossiyskaya gazeta*, December 4, 2018. Available at: <https://rg.ru/2018/12/04/karaganov-integraciia-v-ramkah-eaes-prinosit-politicheskie-vygody.html>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Kheyfets B.A. (2018) Globalization Does not End, it Becomes Another. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no 1, pp. 14–33 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-14-33
- Kholodkov V.M., Shevchenko A.M., Aleksandrov D.A., Ippolitov I.V., Popov D.S., Makarevskij M.N., Mordvinova A.E. (2019) Eurasian Economic Union: Problems of Development and Attitude to the EAEU in Central Asia. *Problems of National Strategy*, no 1, pp. 9–57. Available at: <https://riss.ru/analytics/58370/>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Knobel A. (2015) Eurasian Economic Union: Development Prospects and Possible Obstacles. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 87–108 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-87-108
- Knobel A. (2018) Scandal in the Union: How the Tax Maneuver Quarreled Moscow and Minsk. *RBC*, December 18, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/18/12/2018/5c1785399a79473cde10ccbe>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Lenchuk E.B. (ed.) (2018) *Formation of the Digital Economy in Russia: Problems, Risks, Prospects. Collective Scientific and Analytical Report*, Moscow: Institute of Economics RAS (in Russian).

Muminov A. (2019) What Kazakhstan's Partners in the EAEU are Dissatisfied with in Relation to the Sugar Market. *Kapital.kz*, February 12, 2019. Available at: <https://kapital.kz/economic/75745/chem-partnery-kazahstana-po-eaes-nedovolnyv-otnoshenii-saharnogo-rynka.html>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Myadzvedzeva V. (2019) Petrishenko: Today it is Possible to Call the EAEU an Economic Union in Advance. *Zvyazda.by*, March 19, 2019. Available at: <http://zvi-azda.by/be/news/20190319/1552981591-petrishenko-nazyvat-eaes-ekonomicheskim-soyuzom-segodnya-mozhno-tolko>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

National Currencies in Mutual Settlements in the Framework of the EEC: Obstacles and Prospects (2018). *Eurasian Development Bank*. Report No. 48. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/912/EDB-Centre_2018_Report-48_National-Currencies_RUS.pdf, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Petrovskij P. (2019) What Awaits Relations between Belarus and Russia in 2019: a Look from Minsk. *Eurasia-Expert*, January 16, 2019. Available at: <http://eurasia.expert/chto-zhdet-otnosheniya-belarusi-i-rossii-v-2019-godu/>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Report on the Implementation of the Main Directions of Integration within the Eurasian Economic Union (2018). *Eurasian Economic Commission*. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/

<Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Results of Counteraction to Illegal Import of Sanctioned Goods (2016). *Federal Customs Service*, January 27, 2016. Available at: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22499:2016-, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Tkachev I., Fejnberg A. (2017) Hidden Account for \$100 Billion: how Russia Supports the Belarusian Economy. *RBC*, April 2, 2017. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Treaty on the Eurasian Economic Union (2014). *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, May 29, 2014. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Vinokurov E. (2016) Eurasian Economic Union without Emotions. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 43–60 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-12-43-60

Vorob'ev A. (2017) China and Central Asia: Growing Friendship at Russian Borders. *Russian International Affairs Council*, June 4, 2017. Available at: <http://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Zevin L.Z. (2015) *On Some Problems of the Economic Space of Eurasia of the XXI Century*, Moscow: Institute of Economics RAS (in Russian).